

Российские власти ответственны за тайную незаконную передачу лица Таджикистану вопреки обеспечительным мерам и предоставленному временному убежищу

В сегодняшнем постановлении, вынесенном Палатой по делу **Савридин Джураев против России** (*[Savridin Dzhurayev v. Russia](#)*, жалоба № 71386/10)¹, Европейский Суд по правам человека единогласно признал нарушения следующих положений Европейской конвенции по правам человека:

Статья 3 (запрет бесчеловечного и унижающего достоинство обращения) нарушена в связи с тем, что власти не смогли защитить г-на Джураева от реальной и непосредственной угрозы пыток и дурного обращения, не предотвратив его насильственного перемещения из Москвы в Таджикистан, а также в связи с настойчивыми отказами в проведении эффективного расследования этого инцидента и участием в операции должностных лиц;

Статья 34 (право на обращение с индивидуальной жалобой) нарушена в связи с несоблюдением Россией обеспечительной меры, предписанной Европейским Судом по правам человека, согласно которой следовало не выдавать заявителя в Таджикистан до рассмотрения дела Судом; и

Пункт 4 статьи 5 (право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности заключения под стражу) нарушен в связи с задержками в рассмотрении кассационных жалоб г-на Джураева на два судебных решения, санкционирующих его содержание под стражей.

Дело касалось похищения гражданина Таджикистана, которому было предоставлено временное убежище в России, и его последующей тайной передачи по требованию таджикских властей в Таджикистан, где он впоследствии был осужден и приговорен к наказанию в виде лишения свободы за совершение преступлений против государственной безопасности.

Суд, в частности, постановил, что г-н Джураев был подвергнут реальной угрозе дурного обращения в Таджикистане, и что он не мог быть насильственно перемещен туда без вмешательства российских должностных лиц, действия которых были отмечены явным произволом и злоупотреблением властью. Суд пришел к выводу, что, подобно так называемой «чрезвычайной выдаче», операция с участием должностных лиц в деле Савридина Джураева проходила вне закона и, будучи совершенной в обход надлежащей правовой процедуры, явилась полным отрицанием принципа верховенства права и защищенных Конвенцией ценностей.

¹ Согласно статьям 43 и 44 Конвенции настоящее постановление, вынесенное Палатой, не является окончательным. В течение трех месяцев с даты его вынесения любая из сторон может обратиться с просьбой о передаче дела в Большую Палату Суда. В случае такого обращения Коллегия в составе пяти судей решает, заслуживает ли дело дальнейшего рассмотрения. При положительном ответе на этот вопрос Большая Палата рассматривает дело и выносит окончательное постановление. Если обращение о передаче дела отклоняется, постановление Палаты становится окончательным в тот же день. После того, как постановление становится окончательным, оно направляется в Комитет Министров Совета Европы для контроля за его исполнением. Дальнейшая информация о процедуре исполнения размещена здесь: www.coe.int/t/dghl/monitoring/execution

В соответствии со **статьей 46 Конвенции (обязательная сила и исполнение постановлений)** Суд рассмотрел ряд подобных инцидентов в недавнем прошлом, которые свидетельствуют о практике, выработанной некоторыми представителями государственной власти в нарушение их обязательств по российскому праву и Конвенции. В свете ситуации и характера констатированных нарушений, а также с целью содействия России и Комитету Министров Совета Европы в процессе исполнения постановления, Суд указал правительству на необходимые меры по восстановлению прав г-на Джураева и меры общего характера для предотвращения новых подобных нарушений.

Основные факты

Заявитель, Савриддин Джураев, родившийся в 1985 году, является гражданином Таджикистана, где в настоящее время отбывает наказание в виде лишения свободы.

Г-н Джураев прибыл в Россию в июне 2006 года, покинув Таджикистан из опасений быть подвергнутым преследованиям по причинам, связанным с его религиозной деятельностью. Такие опасения возникли после задержания и гибели в заключении священнослужителя из его мечети. В ноябре 2006 года в Таджикистане против г-на Джураева было возбуждено уголовное дело по обвинению в причастности к "Исламскому движению Узбекистана" («ИДУ»), а также вооруженному нападению на трех членов регионального парламента.

В ноябре 2009 года г-н Джураев был задержан в Москве российской полицией на основании международного ордера на арест, выданного таджикскими властями. Было принято решение о его содержании под стражей до разрешения вопроса о выдаче. В последующем суды неоднократно продлевали срок его содержания под стражей, и в удовлетворении кассационных жалоб на соответствующие судебные решения было отказано. В июне 2010 года Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации принял постановление о его выдаче. Г-н Джураев обжаловал это постановление, указав, что таджикские власти подвергнут его пыткам с целью получения признательных показаний в совершении преступления, которого он не совершал. Московский городской суд и Верховный Суд Российской Федерации отклонили жалобу, сославшись на письменные гарантии таджикской прокуратуры, заверившей, что г-н Джураев не будет подвергнут дурному обращению. Однако постановление о выдаче не было исполнено в соответствии с обеспечительной мерой, предписанной Европейским Судом по правам человека 7 декабря 2010 года (Правило 39 Регламента Суда), согласно которой следовало приостановить выдачу заявителя впредь до дальнейшего решения Суда. В мае 2011 года г-н Джураев был освобожден из-под стражи по личному поручительству своего адвоката.

Находясь под стражей, в ноябре 2009 года г-н Джураев также обратился с заявлением о предоставлении ему статуса беженца в России, мотивируя его тем, что он преследуется в Таджикистане из-за его религиозных убеждений и в случае выдачи в это государство будет подвергнут пыткам. Федеральная миграционная служба России (ФМС) отказала в удовлетворении заявления. Это решение было оставлено в силе судебными органами в декабре 2010 года. В сентябре 2011 года ФМС предоставила г-ну Джураеву временное убежище в России.

По словам г-на Джураева, 31 октября 2011 года он был похищен в Москве группой лиц, которые продержали его в автомобиле на протяжении одного или двух дней, где подвергали его пыткам, а затем отвезли в аэропорт, откуда самолетом перевезли в Худжанд (Таджикистан) без прохождения обычных пограничных формальностей или проверок. По прибытии он был передан таджикским властям. Согласно показаниям его отца, г-н Джураев содержался в помещении полицейского участка, где он был подвергнут крайне жестокому обращению и заставлен сознаться в

совершении преступлений, которых он не совершал. В апреле 2012 года региональный суд в Таджикистане признал г-на Джураева виновным в совершении нескольких преступлений и приговорил его к наказанию в виде 26 лет лишения свободы.

Узнав о похищении, адвокат г-на Джураева незамедлительно обратилась к ряду российских должностных лиц, включая начальника московской полиции и Генерального прокурора, с просьбой защитить заявителя от угрозы насильственного перемещения в Таджикистан. Официальный запрос с этой целью был также направлен начальнику московской полиции Уполномоченным Российской Федерации по правам человека.

Компетентный районный следственный орган провел доследственную проверку инцидента, но отказал в возбуждении уголовного дела, как минимум, четыре раза, отмечая, в частности, что г-н Джураев мог инсценировать собственное похищение во избежание уголовной ответственности за преступления, совершенные в Таджикистане. Повторные решения об отказе в возбуждении уголовного дела выносились с идентичными формулировками после отмены предыдущих решений вышестоящим должностным лицом. По последней информации, представленной российским правительством Суду, расследование продолжается. Расследованием установлено, со ссылкой на официальные сведения, полученные от Генерального прокурора Таджикистана, что г-н Джураев незаконно пересек российскую государственную границу, "добровольно сдался" таджикским властям 3 ноября 2011 года и был заключен под стражу.

Жалобы, процедура и состав Суда

Направив первоначальную жалобу о том, что его выдача подвергнет его угрозе дурного обращения в Таджикистане, г-н Джураев позднее дополнил ее жалобой о том, что его похищение и незаконное перемещение в Таджикистан стало возможным только при пассивном или активном участии российских властей, и что власти не провели эффективного расследования этого инцидента. Он сослался на статью 3 (запрет бесчеловечного и унижающего достоинство обращения) и статью 13 (право на эффективное средство правовой защиты). Он также жаловался на нарушение пункта 4 статьи 5 (право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности заключения под стражу) в связи с задержками рассмотрения его кассационных жалоб на решения судов, санкционирующих его содержание под стражей. Г-н Джураев также заявил, что власти проигнорировали предписанную Судом обеспечительную меру в нарушение статьи 34 (право на обращение с индивидуальной жалобой).

Жалоба была подана в Европейский Суд по правам человека 6 декабря 2010 года.

Постановление было вынесено Палатой из семи судей в следующем составе:

Изабель **Берро-Лефевр** (Монако), *Председатель*,
Ханлар **Гаджиев** (Азербайджан),
Мирьяна **Лазарова Трайковска** ("Бывшая Югославская Республика Македония"),
Юлия **Лаффранк** (Эстония),
Эрик **Мёзэ** (Норвегия),
Ксения **Туркович** (Хорватия),
Дмитрий **Дедов** (Россия),

при участии Сёрена **Нильсена**, *Секретаря Секции*.

Решение Суда

В отношении фактов настоящего дела Суд счел установленным вне разумных сомнений, что г-н Джураев был похищен неизвестными лицами в Москве 31 октября 2011 года, удерживался своими похитителями в Москве на протяжении одного или двух дней, затем был насильственно доставлен ими в аэропорт на борт самолета, направлявшегося в Таджикистан, где по прибытии был немедленно заключен под стражу таджикскими властями.

Г-н Джураев представил подробное, точное и последовательное описание событий, произошедших с 31 октября 2011 года, не только в своем обращении в Суд, но и в своих показаниях, данных в ходе публичных судебных слушаний в Таджикистане. В отличие от заявителя российское правительство давало на вопросы Суда лишь уклончивые ответы, которые, по сути, сводились к отрицанию того, что власти знали о судьбе г-на Джураева или были за нее ответственны. Сторонами не оспаривалось, что не позднее 3 ноября 2011 года заявитель был заключен под стражу в Таджикистане при том, что в России ему было незадолго до этого предоставлено временное убежище в ответ на его настойчивые попытки избежать возвращения в свою страну. Российское правительство поддержало версию развития событий, представленную таджикскими властями, однако не смогло подкрепить ее какими-либо доказательствами. В частности, оно не объяснило, как и когда г-н Джураев мог самостоятельно преодолеть путь из Москвы в Таджикистан, с пересечением различных государственных границ, без своего паспорта или без официальной регистрации пересечения им российской границы.

Статья 3

Что касается заявления г-на Джураева о существовавшей для него угрозе дурного обращения по возвращению в Таджикистан, Суд установил, что российские власти не провели независимой и углубленной проверки по этому вопросу. Даже приобщив к материалам дела доклады о ситуации с правами человека в Таджикистане, российские суды никак их не использовали и отвергли все относящиеся к этому вопросу аргументы без детального рассмотрения. Более того, суды безоговорочно основывались на заверениях таджикской прокуратуры о том, что г-н Джураев не будет подвергнут дурному обращению, не изучив вопрос о том, насколько эти заверения гарантированы на практике.

Суд отметил последовательные доклады ООН и неправительственных организаций на протяжении последних нескольких лет о масштабном и систематическом использовании пыток правоохранительными органами Таджикистана, а также о безнаказанности должностных лиц. Ссылаясь на несколько недавних дел о выдаче в Таджикистан, Суд не обнаружил значимых данных, которые заставили бы переоценить ситуацию к лучшему. Представленная российским правительством информация не содержала ни единого опровержения последних докладов или какого-либо иного свидетельства ощутимого улучшения ситуации в Таджикистане.

Ссылка на общую проблему, касающуюся соблюдения прав человека в отдельной стране, не может служить единственным основанием для отказа в выдаче. В то же время Суд отметил, что одно из основных обвинений против г-на Джураева было напрямую связано с его участием в ИДУ, которое рассматривалось таджикскими властями в качестве террористической организации. Эти обстоятельства, в контексте политики устрашения со стороны таджикских властей в отношении нетрадиционных религиозных групп, повысили для заявителя угрозу быть подвергнутым дурному обращению во время нахождения под стражей с целью получения признательных показаний, относящихся к его религиозной деятельности. Насильственное возвращение г-на Джураева в Таджикистан и последующие события подтвердили обоснованность его опасений. Суд, соответственно, пришел к выводу о

том, что его насильственное возвращение в Таджикистан подвергло его реальной угрозе обращения в нарушение статьи 3.

Узнав о похищении, адвокат г-на Джураева немедленно обратилась к компетентным российским властям с просьбой защитить его от угрозы насильственного перемещения в Таджикистан. Однако российское правительство не сообщило Суду о принятии полицией или иными органами каких-либо своевременных превентивных мер для предупреждения этой угрозы. В результате Суд пришел к выводу о том, что подобные меры никакими органами не принимались. Такое бездействие нарушило позитивное обязательство государства по защите г-на Джураева от обращения, запрещенного статьей 3.

Расследование похищения г-на Джураева было отмечено многочисленными изъянами, идущими в полный разрез с обязательствами России по статье 3. Информация о похищении должна была привлечь самое пристальное внимание властей в свете утверждения заявителя об участии в операции должностных лиц и соответствующих вопросов, поставленных перед правительством Судом. Однако следователи ограничились лишь "доследственной проверкой", упорно отказывая в возбуждении уголовного дела, которое стало бы наилучшим, если не единственно возможным, инструментом для проведения эффективного расследования в соответствии с требованиями Конвенции. Более того, процесс многократной отмены и подтверждения идентичных решений следственным органом привел процедуру к бесполезной и несовместимой с требованиями Конвенции волоките. В конечном итоге следователи не провели такие ключевые следственные действия, как установление авиакомпаний, выполнявших рейсы из Москвы в Худжанд между 1 и 3 ноября 2011 года, а также допросы сотрудников службы безопасности и административного персонала аэропорта, в котором г-н Джураев был предположительно помещен на борт воздушного судна.

Рассматривая вопрос о предполагаемом участии должностных лиц в похищении и перемещении г-на Джураева, Суд подчеркнул, что процедура по таким спорным вопросам еще в большей степени зависит от сотрудничества государств в соответствии с закрепленным в Конвенции обязательством по предоставлению всех необходимых ресурсов для установления фактов. Суд установил, что единственно подлинным способом выполнения Россией данного обязательства в настоящем деле было бы обеспечение исчерпывающего расследования инцидента и информирование Суда о его результатах. Однако российские власти явно не сделали этого, тем самым побудив Суд рассматривать крайне спорные моменты настоящего дела вместо национальных инстанций. Непредставление государством ключевых сведений и доказательств заставляет Суд сделать веские заключения в пользу позиции г-на Джураева. Правительство также не представило ни какой-либо правдоподобной версии событий, ни объяснений того, как г-н Джураев мог быть насильственно доставлен на летное поле и помещен на борт воздушного судна, вылетающего в другое государство, без участия каких-либо должностных лиц. Таким образом, Суд пришел к выводу о том, что Россия несет ответственность за насильственное перемещение заявителя в Таджикистан в связи с участием в этой операции представителей государства.

Суд констатировал нарушение статьи 3 в связи с тем, что Россия не смогла защитить г-на Джураева от реальной и непосредственной угрозы пыток и дурного обращения, не предотвратив его насильственного перемещения из Москвы в Таджикистан, а также в связи с отсутствием эффективного расследования этого инцидента и участием в операции должностных лиц.

Статья 34

Несмотря на предписание Судом в декабре 2010 года обеспечительной меры о приостановлении выдачи впредь до дальнейшего решения Суда и на утверждение российского правительства о том, что власти сделали в этой связи все необходимое, г-н Джураев был насильственно передан Таджикистану в ноябре 2011 года в ходе специальной операции, в которой участвовали представители государства. Суд подчеркнул жизненно важную роль обеспечительных мер в системе Конвенции, которая не только предопределяет их обязательную юридическую силу, но и придает важнейшее значение вопросу соблюдения государствами таких мер. Любое отступление от этого принципа непозволительным образом ослабило бы защиту ключевых прав, закрепленных Конвенцией, и, в целом, подорвало бы ее авторитет и эффективность как конституционного инструмента европейского публичного порядка. Данные принципы очевидно не позволяют государству действовать произвольным и явно незаконным путем в обход обеспечительных мер. Соответственно, имело место нарушение статьи 34 в связи с несоблюдением Россией обеспечительной меры, предписанной Судом.

Статья 5

Суд также установил нарушение пункта 4 статьи 5 в связи с длительными задержками в рассмотрении кассационных жалоб г-на Джураева на два судебных решения, санкционировавших его содержание под стражей в 2010 году. Российские суды отказали в удовлетворении этих жалоб по истечении, соответственно, 54 и 29 дней после их подачи, и правительство не представило каких-либо объяснений относительно этих задержек.

Статья 41 (справедливая компенсация)

Суд постановил, что Россия должна выплатить г-ну Джураеву 30.000 евро в качестве компенсации за причиненный моральный вред и 5.920 евро за судебные расходы и издержки.

Статья 46 (обязательная сила и исполнение постановлений)

Суд посчитал, что выводы, сделанные им в постановлении, требуют, наряду с выплатой справедливой компенсации, принятия иных мер. Тот факт, что г-н Джураев оказался за пределами российской юрисдикции, не освобождает государство от юридического обязательства принять все меры в его компетенции для того, чтобы положить конец констатированному нарушению и устранить его последствия. Принятие Россией конкретных мер по восстановлению прав г-на Джураева с целью его защиты от существующей угрозы его жизни и здоровью в Таджикистане не представляется невозможным. Особая необходимость в принятии таких мер связана с тем, что в России заявителю было предоставлено временное убежище. Кроме того, Россия в состоянии провести эффективное расследование инцидента для исправления допущенных процессуальных нарушений статьи 3. Комитет Министров Совета Европы уполномочен проконтролировать, на основе предоставляемой Россией информации, и с учетом изменения личных обстоятельств г-на Джураева, принятие таких мер, которые были бы выполнимыми, своевременными, адекватными и достаточными для обеспечения максимально возможного восстановления прав заявителя, нарушения которых были установлены Судом.

Наряду с этим, изложенные в постановлении выводы подтверждают, что повторяющиеся похищения людей и их последующая передача другим странам при умышленном попрании надлежащей правовой процедуры, - в частности, в нарушение предписанных Судом обеспечительных мер, - представляют собой вопиющее нарушение принципа верховенства права и свидетельствуют о том, что

некоторые представители государственной власти выработали практику, нарушающую их обязательства по российскому праву и Конвенции. Подобная ситуация влечет самые серьезные последствия для российского правопорядка, эффективности системы Конвенции и авторитета Суда.

Для исправления дефектов в действии национальных средств правовой защиты, выявленных настоящим постановлением, всем российским судам необходимо тщательно следовать указаниям, сделанным в рамках недавнего развития практики Верховного Суда Российской Федерации, которое было направлено на совершенствование правовых гарантий в процессе экстрадиции. Настоящее постановление также требует разрешения регулярно встречающейся проблемы явного попрания национальных правовых механизмов в делах об экстрадиции. Более того, заявителям, в отношении которых Суд предписал обеспечительные меры, государством должна быть предоставлена эффективная защита, не только в законе, но и на практике. Учитывая, что предусмотренная действующим законодательством защита неоднократно оказывалась бездейственной в ситуациях аналогичных делу Савридина Джураева, должен быть создан соответствующий механизм, который обладал бы как превентивной, так и защитной функциями, чтобы обеспечить таким заявителям немедленную и эффективную защиту от незаконного похищения и перемещения за пределы территории государства и юрисдикции российских судов. Наконец, государство должно обеспечить соответствующие процедуры и институциональные механизмы для проведения эффективного расследования каждого случая нарушения обеспечительных мер. Необходимо также тщательный контроль таких расследований на соответствующем официальном уровне, с тем, чтобы оно проводилось с должным вниманием и соответствовало требуемым стандартам качества.

Официальный текст постановления составлен на английском языке.

Данный Пресс-релиз составлен Секретариатом и не является обязательным для Суда. Решения и постановления Суда, а также иная дополнительная информация опубликованы на интернет-сайте www.echr.coe.int. Для желающих подписаться на выпуск Пресс-релизов Суда, просьба зарегистрироваться на сайте www.echr.coe.int/rss или следите за нашими сообщениями в Твиттере [@ECHR_Press](https://twitter.com/ECHR_Press).

Контакты для прессы

echrpress@echr.coe.int | tel: +33 3 90 21 42 08

Nina Salomon (tel: + 33 3 90 21 49 79)

Tracey Turner-Tretz (tel: + 33 3 88 41 35 30)

Denis Lambert (tel: + 33 3 90 21 41 09)

Jean Conte (tel: + 33 3 90 21 58 77)

Европейский Суд по правам человека был создан в Страсбурге в 1959 году государствами-членами Совета Европы для рассмотрения жалоб о нарушениях Европейской Конвенции по правам человека 1950 года.